

УДК 821.161.1 821.163.1 ББК 83.3(Рос=Рус)1 DOI 10.25986/IRI.2020.90.58.006

В. М. Кириллин

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва;
Московская духовная академия РПЦ, Сергиев Посад, Россия. kvladimirm@mail.ru*

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕКСТА 1-Й РЕДАКЦИИ ПЕРВОЙ СЛУЖБЫ ВЛАДИМИРУ ВЕЛИКОМУ

В статье рассматриваются особенности структурной и идейно-семантической организации текста первоначального богослужебного последования в честь святого Владимира Великого; затрагиваются вопросы зависимости неизвестного гимнографа от богослужебной традиции и его творческой самостоятельности; определяется потаенная задача славления князя. На основе анализа содержащихся в разных гимнических строфах примет предметного и топографического характера обосновывается гипотеза о месте составления службы.

Ключевые слова: гимнография, служба, канон, редакция, прототип, образец, Октоих, Богоматерь, авторская мотивация, Новгород, икона «Знамение»

Гимнография, посвященная святому крестителю Руси, формировалась, как установлено, с XII по XVII в. и зафиксирована последованиями двух служб. Первая служба Владимиру сохранилась в большом числе рукописей, самый ранний список ее 1-й редакции, краткой¹, – РНБ. Софийское собр. № 382. Л. 67–71 – датируется серединой XIV в.²; самый ранний список ее 2-й редакции, пространной³, – РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 442/669. Л. 237 об.–246 об. – относится к XV в., а окончательный ее текст стабилизирован печатной служебной минеей 1629 г.⁴ и позднейшими переизданиями последней 1646, 1691, 1741, 1750, 1754, 1793 г. Самый ранний список второй службы, «исторической»⁵, – РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 375/632. Л. 104 об.–116 – теперь датируют концом XV в. [Милютенко, 2008, с. 211]. Судя по малому числу сохранившихся рукописных копий [Милютенко, 2019, с. 102] и по печатным минеям, вторая служба осталась вне общеупотребимой русской литургической практики. При этом наряду с текстами последований в честь Владимира Святославича, отдельно от них и постепенно соединяясь с ними, бытовали еще некоторые стихословия в составе

¹ См. о ней: [Славнитский, с. 207–210; Милютенко, 2008, с. 206–208]; ее текст: [Славнитский, с. 225–233; Милютенко, 2008, с. 478–489].

² Прежняя датировка рукописи рубежом XIII–XIV в. ныне пересмотрена. Ср.: [Сводный каталог, 1984, с. 354; Сводный каталог, 2002, с. 589].

³ См. о ней: [Славнитский, с. 210–216; Милютенко, 2008, с. 210–211].

⁴ Минее служебная: Июль. М., 1629. Л. 214–229 об.

⁵ См. о ней: [Славнитский, с. 216–217]; ее текст: [Славнитский, с. 233–237].

разных сборников, например, в сборнике новгородца Матвея Кусова 1414 г., или в Стихираре Кирилло-Белозерского монастыря XVI в., или же в составе некоторых списков службы святым Кирику и Иулитте [Милютенко, 2008, с. 206–210, 491–496].

Казалось бы, какая-то ясность относительно истории формирования гимнографии в память о Владимире достигнута: в XI или XII в. могли появиться первые песенные славения князя; в XIII или XIV в. был составлен первый, краткий, вариант службы ему; в XV в. или раньше на этой основе – за счет обогащения текста независимо от него бытовавшими отдельными и специально созданными новыми гимнами – начала складываться пространный редакция последования, развитие которой завершилось к XVII столетию; но по ходу ее текстуального утверждения в конце XV в. – как дополнение или как альтернатива – возникла еще одна служба, «историческая», в церковном обиходе, правда, не удержавшаяся. Во всех случаях, однако, имена церковных поэтов, авторов жанрово различных стихословий и канонов, а также составителей последований неизвестны. В самой общей форме и без каких-либо оснований высказывалось только предположение, что к созданию первых гимнов Владимиру мог иметь отношение живший еще в XI в. насельник Киево-Печерского монастыря Григорий [Филарет (Гумилевский), с. 23; Макарий (Булгаков), т. 1, с. 71, 250; т. 2, с. 201; Никольский, 1858, с. 404; Никольский, 1906, с. 444; Спасский, с. 83–85; Серегина, с. 69; Василик, 2013, с. 69], а к позднейшей правке 2-й редакции первой службы мог быть причастен в середине XV в. знаменитый Пахомий Логофет [Яблонский, с. 211; Спасский, с. 84].

Вот, собственно, и всё. Как видно, картина этой истории весьма схематична. Например, любопытно было бы понять, что послужило прототипом для службы святому, прежде всего в ее первоначальной редакции, какой именно богослужебный текст был использован неизвестным составителем как словесно-мелодический образец. Большой интерес также представляет и проблема привязки исходного текста службы к определенному региону в границах расселения древних русичей. К сожалению, вопросы эти почти не тронуты в научной литературе, хотя содержательные особенности последования привлекали внимание исследователей [Славнитский, с. 218–224; Василик, 2019, с. 132–145; Джиджора].

Отвечая на вопрос о гимнографическом образце, можно уверенно утверждать, что таковым для первой службы Владимиру была не служба мученикам Кирику и Иулитте, в состав ранних списков которой включались (вероятно, по причине общего дня памяти) отдельные стихословия в честь киевского князя⁶; и не служба равноапостольному императору Константину, с которым просветитель Руси неизменно сравнивался с самого начала его почитания [Кириллин, 2016]; и, наконец, не служба благоверным князьям Борису и Глебу, в день памяти которых, 24 июля, первоначально читали и Житие Владимира [Сводный каталог, 1984, с. 161; Романенко, с. 201]. Вместе с тем можно не сомневаться в подражательном характере работы неизвестного гимнографа, хотя заметна и его творческая самостоятельность.

В этом отношении стоит обратить внимание на третью стихир⁷ вечерни 8-го гласа из службы Владимиру: «Радуйся руская похвало. радуйся *вѣрньнымъ* правителю. радуйся блаженный Володимире. радуйся *началнице* нашъ. радуйся *вѣрть* забрало. радуйся чюдо чюдомъ *преславное*. *притекающимъ пристанище* тихое. радуйся *всесвятый*. радуйся корени *вѣрть*. и молебнице

---

⁶ Между прочим, о сопряженности почитания Владимира в Новгороде с почитанием Кирика и Иулитты свидетельствует также храмовая икона Владимира из новгородской Владимирской церкви, на которой помимо поясного изображения князя имелись еще изображения Кирика и Иулитты, а также его святых сыновей Бориса и Глеба [Макарий (Миролюбов), с. 104].

⁷ Стихира – часть утреннего и вечернего богослужения, краткая молитва в ритмической прозе, изначально употреблявшаяся как припев к стихам Псалтыри. Существует несколько разновидностей стихир, обычно они историчны по содержанию и за богослужением поются [Богословско-литургический словарь, с. 776–779; Керн, с. 34–40].

молящимътися. и величающимъ тя *вѣрно*»⁸. Бесспорно, данный текст составлен по образцу субботних стихир Пресвятой Богородице того же, 8-го, гласа из Октоиха: «Радуйся Богоматерь *всепѣтая*, радуйся источнице живота *вѣрнымъ* источающъ, радуйся всѣхъ *владычице*, и *госпоже* твари благословенная, радуйся *всенепорочная препрославленная*... радуйся *вѣрныхъ* надежде... радуйся... *человѣковъ заступление*. радуйся *прибежище*... радуйся источнице, источающъ воды *притекающимъ* къ тебѣ»⁹. Но вместе с тем очевидно, что русский песнотворец традиционную форму величания наполнил новым, в соответствии с собственными чувствами и мыслями, содержанием, причем, кстати, совершенно независимым от уже имевшихся проложно-житийных хайретизмов Владимиру¹⁰, что дополнительно указывает на его суверенную изобретательность. Думается также, что переделка мариологического текста в похвальные обращения к святому князю была обусловлена не только опорой на авторитетный стандарт. Вероятно, гимнограф руководствовался еще и неким отвлеченным мотивом, который определялся конкретными обстоятельствами его работы над последованием службы (если, разумеется, допустить синхронность этого процесса или даже его единоличность). Ниже я постараюсь обосновать предположение о дополнительной авторской мотивации.

Свое лицо певец крестителя Руси являет также и при составлении других текстов службы, сопровождая конкретные хвалебствия Владимиру и оценочные суждения о нем мотивирующими их размышлениями о бытии просвещенного им народа.

Так, первая стихира славословит победу христианства в лице великого киевского князя над язычеством: «О преславное чудо. величавый разумъ. погубляется днесь и рыдаютъ всячьская лукавая воинства (образ гордых и заблуждающихся сил. – В. К.). *видяще вѣтвѣ сѣкуща* вседичное¹¹, силою Божиею богосажаемое, и прославляемое, и свѣтло вѣнчаемое от Бога, великаго Василя...». Здесь имеется в виду преобразование дикого язычника Владимира в светоносного христианина Василя – тема благой перемены, поднятая некогда еще митрополитом Иларионом. Кстати, по-видимому, эта стихира составлена в уподобление стихирам крестным 8-го гласа из Октоиха («о преславнаго чудесе, живоносный садъ, крестъ пресвятый на высоту возносимъ является днесь...», «о преславнаго чудесе, яко гроздь исполненъ живота, понесый вышняго, от земли воздвизаемъ крестъ видится днесь...»)¹² или же в подражание стихирам того же гласа «О преславное чудо...», содержащимся в службе от 14 ноября по старому стилю святому апостолу Филиппу из 12-ти¹³. Во второй стихире крестителю Руси, текстуально независимой от образцов, тема первой развивается расширительно, уже по отношению ко всем его подданным: «Дивная чудомъ пучина. жестосѣрдни бо разуми. иже вотще шатахуся. от лица днесь Василя веселяхуся. въ честнѣй его церкви. царствует Христосъ Богъ. обрѣтъ его яко Паула преже. и поставивъ князя вѣрнаго на земли своей», то есть черствые души, порознь блуждающие в язычестве, обрели радость, объединившись в Церкви Христа, который

⁸ Здесь и далее текст 1-й редакции первой службы Владимиру цитируется по публикации: [Милютенко, 2008, с. 478–489].

⁹ Октоихъ, сирѣчь Осмогласникъ. Гласы Ё – Й. М., 1981. С. 459–460.

¹⁰ «Радуйся, блаженный Володимере, приемый вѣнецъ от руки Вседержителя Бога! Радуйся, святая главо, воюю и учителю нашъ, им же избывше тмы, и свѣтъ познавше! Радуйся, честное древо самого Рая, иже израсти намъ святыя лѣторасли, святая мученика Бориса и Глѣба, от нею же нынѣ сынове русьстии насыщаются, принимающимъ недугомъ ицѣлень! Радуйся, дѣлателью вѣры Христовы, истерзавъ льстное тернье из Руси, взоравъ крещеньемъ всю Русьскую землю и насыявъ святыми книгами, от нихъ же жнють русьстии сынове полезныя руковяти покаянь!» [Милютенко, 2008, с. 437; Шахматов, с. 141].

¹¹ Так и в старопечатных Минеях. Чтение, скорее всего, испорчено. Современная Минея содержит исправление: «*видяще ветвь сущу вседичну (= одичалую)*».

¹² Октоихъ, сирѣчь Осмогласникъ. Гласы Ё – Й. С. 570–571.

¹³ Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. / Труд [по опубликованию и вступ. ст.] орд. акад. И. В. Ягича. СПб., 1886. С. 371–372 (второй пагинации).

даровал Владимиру-Василию веру и утвердил его властителем на земле его¹⁴. Третьей стихирой, о чем уже сказано, тема похвалы вновь сводится к личности святого. Тогда как четвертая, «на стиховне», представляя собой саморефлексию народа Божия, почитателей святого, опять-таки содержательно оригинальную, обобщает смысл первых трех: «Началника благочестью. и проповѣдника вѣрѣ. и княземъ рустимъ верховнаго днесъ. рустии собори спедѣшесе восхвалимъ. великаго Володимира. апостоломъ равна. хвалами и пѣснми духовными. вѣнчаемъ глаголюще. Радуйся Христовъ воине прехрабрый. яко томителя врага dokonча погубивъ. и насъ от лъсти его избавивъ приде къ Христу Цесарю. но преблажене и всехвалне. миръ и здравие и тверду державу. моли Господа дати князю нашему, на поганяя побѣды. а душамъ нашимъ велию милость». Важно отметить: в этой стихире все оценки просветителя Русской земли отражают основные векторы его характеристик, известных по уже сложившемуся литературному преданию (благоначальник, вероучитель, Христов апостол и уничтоживший язычество ратник, губитель неправды), при том что в следующих далее тропарях¹⁵ воспевающего его канона¹⁶ они будут обогащены и новыми красками, и новыми семантическими нюансами.

Между прочим, канон святому Владимиру отличается аналогичными особенностями. Точнее сказать, у автора этой большой гимнографической композиции также был прототип, которому он следовал, но имелся и собственный замысел, для которого он нашел собственные слова и образы. В качестве вдохновляющего примера русский церковный поэт, вероятно, использовал «Канон святым славным и всехвальным апостолам» Феофана Начертанного, содержащийся опять-таки в Октоихе (последование утрени четверга)¹⁷. На связанность двух произведений указывают общий 6-й глас и общие ирмосы¹⁸, правда, в каноне Владимиру обозначенные только зачалами: «Яко по суху...» (песнь 1-я), «Нѣсть свята якоже ты Господи...» (3-я), «Христоръ мнѣ Богъ Господь...» (4-я), «Божиимъ свѣтомъ ти...» (5-я), «Житийскаго моря...» (6-я), «Хлагодавцю убо пе(щ)ь...» (7-я), «Из пламени святымъ росу...» (8-я), «Бога человекомъ неудоб(но)...» (9-я)¹⁹. Остается только заключить: то, что именно канон апостолам воодушевил русского поэта, было, без сомнения, обусловлено изначальным почитанием крестителя Руси именно как равноапостольного святого.

Однако составитель первой службы Владимиру руководствовался и другими гимнографическими образцами.

¹⁴ Предмет спорный. Но мне думается, что в данной стихире слово «церковь» употреблено отвлеченно – как обозначение сообщества последователей Христа, новых людей. Соответственно, неверно вслед за Н. С. Сергиной и В. В. Василиком полагать, что оно здесь указывает конкретно на храм во имя святого Василия Великого, построенный Владимиром Святославичем в Киеве на месте языческого капища [Сергина, с. 69; Василек, 2019, с. 134].

¹⁵ Тропарем называется краткое песнопение, посвященное какому-либо событию или персонажу библейско-христианской истории. В богослужении тропари используются либо самостоятельно, в разных частях службы, либо в составе канонов. Как и стихиры, в зависимости от тематики, различаются разные виды тропарей. Содержательно они раскрывают суть праздника или прославляют святого [Богословско-литургический словарь, с. 705; Керн, с. 28–29].

¹⁶ Канон – приуроченное к определенному богослужебному времени многострофное сочинение, состоящее из девяти или, чаще, восьми песен, в котором ирмосы, являющиеся парафразами ветхозаветных текстов, сопровождаются христианскими стихословиями, прежде всего тропарями, содержание которых обычно тематически связано с ирмосами. Формально каноны суть диалог между хором (ирмосы поются) и чтецом (тропари вычитываются). Идеино-содержательная структура канонов всегда сложна: ветхозаветный контекст переплетается в них с новозаветным и историко-христианским, так что смысл одного интерпретируется через смысл другого [Богословско-литургический словарь, с. 715; Керн, с. 48–49].

¹⁷ Октоихъ, сирѣчь Осмогласникъ. Гласы Ё – Й. С. 267–274.

¹⁸ Ирмос – начальная строфа песен канона, содержательно связанная с библейскими песнями, при этом ритмически и тематически являющаяся образцом для последующих тропарей [Богословско-литургический словарь, с. 629; Керн, с. 40–48].

¹⁹ Ныне тексты этих ирмосов отчасти изменены. Любопытно, что последние, как и глас распева, использованы при составлении ряда посвященных апостолам же минейных канонов: Иакову Алфееву (11 октября), Иоанну Богослову (26 сентября), Онисиму (15 февраля), Филиппу (из 12-ти, 14 ноября) и Филиппу (из 70-ти, 11 октября).

За третьей песней канона у него следует седален²⁰ 4-го гласа «Скоро вари княже. вѣрным наставнице. врази бо хулять и претяють намъ, Христовъ угоднице, и погуби вѣрою твою борющихся с нами, да навькнутъ славити и чтити твою память. намъ же проповѣдающимъ тя. спасай от всякаго гнѣва». Оказывается, и эта песнь создана по подобию октоичной песни с таким же началом и на такой же глас: «Скоро предвари прежде даже не поработимся врагомъ хулящимъ Тя и претяющимъ намъ, Христе Боже нашъ. Погуби крестомъ твоимъ борющыя насъ, да уразумеютъ, како можетъ православныхъ вѣра молитвами Богородицы, едине Человѣколюбче» (седален крестный по 2-м стихословии в среду утра)²¹. Но при этом, что выявляется сравнением, певец Владимира, подражая, лишь использовал некоторые лексемы прототипа в качестве исходных. В итоге он совершенно преобразил текст, обращенный к Иисусу Христу как защитнику верующих в Него от христорборцев, в текст, славящий киевского князя как губителя тех, кто является противником его почитания. Кстати, аналогичное подражание крестному седалену обнаруживается и в Службных минеях конца XI в., в последовании от 28 сентября по старому стилю, воспевавшем, только совершенно по-другому, святого мученика Вячеслава Чешского: «Сѣд(ален). Глас 4 под(обен) Скоро вари. Днесь ангели съ человеки радуются вкупѣ общемъ веселиемъ. небо и земля свѣтло ликуютъ ти, святе. И мы грѣшнии прилѣжно ти въпиемъ...»²². Кстати сказать, в службе Вячеславу имеются еще две стихиры, тождественные по распеву стихире «О преславное чудо...»: «Трьсвѣтлыми зарями пресвѣтло...» и «Грядѣте вси вѣрнии...»²³, и канон с теми же ирмосами 6-го гласа, но, естественно, с другими тропарями. Отмеченные здесь и выше совпадения, по крайней мере, позволяют предполагать, что автор первой службы Владимиру мог соотносить свой гимнографический труд кроме Октоиха также и с хвалебственными последованиями собеседнику Христа апостолу Филиппу и просветителю Чешской земли князю Вячеславу.

Однако если известные ирмосы как готовые песенные строфы и их мелодическая константа в целом послужили для творца канона Владимиру вдохновляющей опорой, то при составлении тропарей он был совершенно самостоятелен, хоть и следовал традиции. Больше того, можно думать даже о его некоторой структурно-содержательной системности. Так, помимо того, что к ирмосам каждой песни (вторая, естественно, отсутствует) он неизменно придумывает по три²⁴ тропаря на тему славения крестителя Руси, а также по тропарю богородичному, первые тропари первых трех песен тематически христологичны в том смысле, что они упоминают в качестве главных события, происшедшие именно по воле Христа («... прославимъ Христа, иже свѣтло прославилъ честваго Володимира...»; «... очный недугъ отърль еси, Милостиве, Твоимъ крещениемъ»; «Чюдо преславно и страшно неизглаголаньно свершаеть Владыка Христоръ...»), тогда как первые тропари 5-й – 9-й песен восхваляют именно и прежде всего князя («Днесь ангели Божии радующеся... в память твою святую, спасл бо ны еси всех...»; «Силою твою погранъ есть сотона... и побѣдника намъ Христоръ явилъ ты есть...»; «... известися внукъ преблажене Олгы, Константинъ же новый, великий, Христу явися Василие...»; «От безбожныхъ идолъ всѣхъ нас избавилъ еси... отче вѣрныхъ князь...»; «...масляная вѣтвь многоплодная ты бываеши винное възражение кистѣ двѣ созрѣлѣй...»). При этом сопоставление первых тропарей рассматриваемого канона в плане

²⁰ Седален – песнопение, исполняемое в разные моменты службы, в том числе и во время пения канона, структурно-содержательно и мелодически очень близкое к организации тропаря, но в плане поэтическом более образно насыщенное [Богословско-литургический словарь, с. 770; Керн, с. 53–55].

²¹ Октоихъ, сирѣчь Осмогласникъ. Гласы А – Д. М., 1981. С. 578.

²² Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. С. 0213 (первой пагинации). Здесь, правда, этот седален приурочен к вечернему богослужению и находится за пределами канона.

²³ Там же. С. 0214.

²⁴ В некоторой степени это важно, поскольку нередки каноны с меньшим, большим и неравным числом тропарей в песнях [Скабалланович, с. 675–676].

их тематики, например, с первыми тропарями октоичного канона апостолам обнаруживает тематическую разноголосицу последних. Так что вывод о некоей планомерности неизвестного русского гимнографа не лишен оснований. Между прочим, она обнаруживается и при анализе содержательной структуры песен владимирского канона в целом.

Характерна, например, 1-я песнь. В самом деле, если сублимировать конкретный смысл всех составляющих ее строф, то они окажутся связанными с идеей славления, воспевания, хвалы. Так, ирмос есть призыв к молящимся возгласить («поимъ») «Богу побѣдную пѣснь», как некогда славил Его («вопяше») Израиль, «по суху пѣшествовавъ... по безднѣ стопами, гонителя фараона видя потопляема»²⁵. Первым тропарем гимнограф также побуждает молящихся славить («взопиемъ и прославимъ») Христа, который «свѣтло прославилъ честнаго Володимира». Во втором тропаре автор от себя лично просит Бога («Ты... Дарителю благихъ... Спасе») развязать («разрѣшая») ему путы языка («сѣзузъ языку») и обновить его «къ словословлению». В третьем тропаре утверждается, что Бог, который «къ Себѣ всихъ» зовет, как в древности «Моисия (и) Иисуса (Навина. – В. К.)», и «нынѣ въ сердцѣ възгласи... достохвалнаго князя», то есть прославил. Наконец, тропарь богородичный, теперь уже от лица молящихся, восхваляет Богородицу: «Честнѣйшую вѣрховнихъ чиновъ, Тебе вси знаемъ и славимъ, Владычице, славящую земныхъ...». Полагаю, использованный в данном случае прием абстрагирующего обобщения семантики текста вполне убедительно выявляет идейно-тематическое единство и взаимную связанность строф 1-й песни при их, однако, интонационной и целевой вариативности.

Примерно такое же смысловое соотношение между ирмосами и тропарями наблюдается и в других песнях канона, иногда, правда, с некоторыми нарушениями. В частности, тогда как ирмос 3-й песни выражает идею всеопределяющего участия Бога в жизни человека («Нѣсть святъ, якоже Ты Господи Боже мой, вознесый рогъ вѣрныхъ Твоихъ, Блаже, и утвердивый насъ на камени исповѣдания Твоего»), все ее тропари подтверждают это примерами из жизни крестителя Руси: по воле Божией, подобно апостолу Павлу, он прозрел («Иже Павла просвѣтомъ... сподоби, и Василия... очный недугъ отърлъ еси, Милостиве...»), подобно императору Константину Великому, он уверовал во Христа («Костянтина... подобникъ явися, Христа въ сердци въсприимъ, и Его заповѣди... научилъ еси»), и вместе с тем уничтожил язычество («Божественною волею Твоею безбожнаго Перуна и кущу бѣсовскую съкруши...») и возвел храм во имя Пресвятой Богородицы («Сѣнь святую обрѣтъ, Марью Девицу, Божий съсудъ, Володмир... церковь божественую Той во имя въздвиглъ естъ»), надо думать, Десятинную церковь, о чем сообщается в летописи²⁶. Кстати, нарушение, допущенное при составлении богородичного тропаря 3-й песни, – то именно, что в нем наряду с Приснодевой прославляется вопреки обычаям еще и храмоздательство святого князя, – дополнительно указывает на творческую самобытность и свободу неизвестного гимнографа. И вряд ли правильно будет объяснять эту смелость незнанием традиции. Видимо, у него все-таки была какая-то побуждающая мысль.

Не думаю, что нужно и остальные песни канона Владимиру Святославичу из первой службы ему анализировать столь же детально на предмет их внутренней тематико-

²⁵ В силу текстуальной устойчивости и регулярности применения ирмосов в рукописях обычно указывались только их начальные фрагменты. Здесь ирмосы цитируются по изданию: Ирмологій. А. Богородичны всего лѣта. М., 1997.

²⁶ «Въ лѣто 6497 (989) ... Володимеръ... помысли создати церковь Пресвятыя Богородица, и пославъ приведе мастеры от Грекъ. И наченшо же здати и яко сконча зижя, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы корсуньския пристави служити в ней... В лѣто 6504 (996) Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедь в ню и помолися Богу... И помолвишюся ему, рекъ сице: “Даю церкви сей святѣй Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть”. И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: “Аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ!” И вдасть десятину Настасу Корсунянину...» (Повесть временных лет. М., 1950. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева, перев. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. С. 83, 85).

содержательной и структурной гармонии. Достаточно констатировать, что при некоторой непоследовательности она все-таки соблюдается.

Опираясь на традицию, безымянный гимнограф явил самостоятельность и при составлении кондака²⁷ и икоса²⁸. В этом случае опорными образцами для него послужили первый кондак (проимий, кукулий) и первый икос из Акафиста Пресвятой Богородице. Он буквально переделывает их:

Кондак

*Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко
избавльшияся от злыхъ, благодарственная
восписуемъ Ти, раби Твои, Богородице: но яко
имущая державу непобѣдимую, от всякихъ насъ
бедъ свободы, да зовемъ ти: Радуйся невѣсто
неневѣстная.*

Икос

*Аггелъ предстатель съ небесе посланъ бысть
рещи Богородицѣ: Радуйся! И со безплотнымъ
гласомъ воплощаема тя зря Господи, ужасашеся
и стояше, зовый къ ней таковая: Радуйся, еюже
радость возсияетъ; Радуйся, еюже клятва
исчезнетъ; Радуйся, падшаго Адама воззвание;
Радуйся, слезъ Евиныхъ избавление; Радуйся,
высоко неудобовосходима челоуѣческими
помысль; Радуйся, глубино неудобозрима
и аггелскимъ очима; Радуйся, яко еси царево
сѣдалище; Радуйся, яко носиши носящаго
вся; Радуйся, звѣздо являющая солнце;
Радуйся, утробо божественнаго воплощения;
Радуйся, еюже обновляется тварь; Радуйся,
еюже поклоняемся Творцу; Радуйся, невѣсто
неневѣстная.²⁹*

*Изрядному вѣводе и правовѣрному. яко избави
ны еси от лъсти. Благодаримъ тя. Въсписаетъ
ти вся Русь, Василие. И имѣеть тя начальника
и заступника. и от всякоя скверны избавил
ны еси. тѣм же вопиемъ ти. радуйся княже
благовѣрный.*

*Ангель плотию одѣнъ на земли явися. Посланъ
бысть от Бога уготовити Божественный
правый путь, иже сверши силою Господнею.
Дивляхут бо ся и радовахуться небеснѣи
чинове, вопиюще сице: Радуйся его же ради вѣра
Господня просия; Радуйся, его же ради врагъ
сокрушенъ бысть; Радуйся правовѣрныя вѣры
въздвизателю; Радуйся, незаконныя лъсти
потребителю; Радуйся высоко добродѣтельная до
небеси досязающая; Радуйся, преже познавый
истинную Богородицю Марью; Радуйся,
яко бываеши вѣрнымъ цесарь; Радуйся, яко
милостынею Бога одолживъ; Радуйся, свѣще тму
просвѣщаещи; Радуйся, солнце, осушая невѣрие;
Радуйся, им же обновихомъ ся вси; Радуйся,
его ради кланяемся Творцу; Радуйся, княже
благовѣрный.³⁰*

Как видно, придуманные певцом Владимира парафразы широко известного мариологического гимна отражают фактические детали и оценочные характеристики, содержащиеся в нарративных и рефлексивных фрагментах более ранних сочинений о личности и деяниях великого просветителя Руси, – «Повести временных лет», «Слова о Законе и Благодати» Илариона, «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, разных житийных рассказов [Кириллин, 2020]. Но важнее то, что образное содержание этих парафраз неотвратимо побуждает к мысли о весьма неожиданной для консервативного церковного сознания параллели, суть которой, несмотря на потаенность, и показательна и тенденциозна идеологически: значение Владимира для Русской земли и русской веры подобно и даже тождественно (!) значению Богородицы для всего христианства. И кажется, столь смелая

²⁷ Кондак – песнопение по форме близкое к тропарям, согласно ныне принятым уставным предписаниям, исполняется почти на всех службах суточного цикла либо отдельно, либо в составе акафистов или канонов и отражает суть почти каждого дня памяти из годового календарного цикла, прославляет церковные праздники, святых и святыхи [Богословско-литургический словарь, с. 724; Керн, с. 29–32].

²⁸ Икос – обязательный элемент акафистов, реже канонов, в первой части содержательно развивающий тему, заданную кондаком, тогда как вторая часть представляет собой череду анафорических обращений к Богу, Ангелу, Богородице, святому, начинающихся возгласом «Радуйся»; в формальном отношении, структурно и синтаксически, это песнопение наиболее четко организовано и устойчиво [Богословско-литургический словарь, с. 713].

²⁹ Триодь постная. М., 1992. Л. 323 об.–324.

³⁰ Служба св. Владимиру. Редакция миней XIV в. [Милютенко, 2008, с. 484–485].

аналогия уникальна и вполне сообразна приему текстовой переадресации, использованному при составлении рассмотренных выше 3-й стихиры вечерни и богородична из 3-й песни канона с похвалой святому. И бесспорно, эта аналогия была обусловлена именно авторским видением. Вместо уже имевшихся кондака и икоса князю, зафиксированных сборником Кусова и другими рукописями и идейно более традиционных³¹, песнописец предложил собственные тексты, просто переименовав знаменитейшие византийские стихословия. Интересно, что новые кондак и икос затем использовал и составитель второй службы (или третьей, «исторической», редакции) [Славнитский, с. 235]. Тем не менее кроющийся в них пульс аллегорического обобщения, или историсофского подтекста, надо думать, был со всей ясностью понят и, соответственно, не принят в церковных кругах, так что со временем и сами стихи были отвергнуты, ибо окончательно утвердившаяся в русском богослужении распространенная версия хвалебственного последования Владимиру содержит совсем другие кондак и икос, то есть уже третий вариант, более конкретные относительно их исторического содержания и более прикладные ввиду актуальности их целевого посыла³².

Итак, творческая свобода и даже отвага составителя первой службы святому крестителю Руси в содержательном плане очевидны. Решительная словесная перекройка общеизвестных старых текстов (стихиры, кондак, икос) и сочинение совсем новых текстов по старым лекалам (стихиры, седален, тропари) – принцип, конечно же, традиционный, но некую индивидуальность, следуя ему, певец равноапостольного князя сумел все-таки выказать.

Самым репрезентативным в плане проявления авторской оригинальности, на мой взгляд, является первый тропарь последней, 9-й, песни: «Сладокъ яко финикъ высокъ възращаемъ и цвѣтъ творяй. масляная вѣтвь многоплодная. ты бываеши винное възращение кистѣ двѣ созрѣлѣй. мученика приносящи. Романа и Давида честнаго». Тематически и словесно этот тропарь, вопреки правилам и ожиданиям, ничуть не повторяет ирмос «Бога человекомъ неудоб(но) ...», которым прославляется Богородица как соединившая человечество с Богом: «Бога человекомъ невозможно видѣти, на негоже не смѣють чини аггельстии взирати: Тобою же, Всечестная, явися человекомъ Слово воплощено, Егоже величающе, съ небесными вои Тя ублажаемъ». Тем не менее некая семантическая общность между означенными строфами все же есть: обе имплицитно выражают идеи рождения и почитания: как некогда через Деву воплотился Бог и люди стали славить Его (ирмос), так и Владимир произвел святых Романа и Давида (Бориса и Глеба), славимых в Русской земле (тропарь). Вместе с тем певец равноапостольного князя вновь будто бы соотносит объект своей хвалы с Пренепорочной Владычицей, что, по-видимому, отражает его устойчивую внутреннюю установку. Конечно же, использованные им при этом метафоры – сладок, финик, цвет, ветвь – сами по себе вполне обычны и встречаются, прежде

---

³¹ «Кондак. Глас 3. Подобен. Дева днесь. В Руси днесь учитель явися, Христову бо вѣру от душа възлюбивъ, изытъ люди своя от тмы невидѣния и приведе я къ свѣту богоразумия. Сего ради показа ся начальник и наставник Божия благодати. Икос. Подобень Едема Вифлеом. Похвалимъ нынѣ новаго апостола в Руси, людемъ наставника и учителя, да молитвами его от всѣхъ бѣдъ избавимся. Се бо явися весь пречистъ и освященъ Духомъ, принося молбы къ Богу о людяхъ своихъ, яко Божий угодникъ и наслѣдникъ Царствия Небеснаго с праматерью Оленою, тѣмъ бысть странѣ сей съ сынама своимъ заступникъ и поборникъ ея и наставникъ Божия благодати» [Милютенко, 2008, с. 493].

³² «Кондакъ гласъ 8. Подобствовавъ великому во апостолахъ Павлу, в державныхъ сѣдинахъ всеславный Владимире, вся яко младенческая мудрования оставль, еже о идолѣхъ тщание, яко мужъ совершенъ украсися, Божественнаго крещения багряницею и спасителю Христу в веселии предстоя, моли спастися державы ти Русския начальнику, христоролюбивому царю и всему православию. Икос. Посѣтивый древле Израиля Моисейскимъ закономъ просвѣтилъ же еси миръ явлениемъ Твоего пришествия, Христе Боже, богогласныя своя ученики послаалъ еси проповѣдати по странахъ еже от Девы безсѣмное рождество Твое, и тѣмъ повелѣ крестити во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Обетшавшу же видя страну Русскую грѣхомъ, Духъ Твой послаалъ еси в крѣпкоразумнаго душу славнаго Владимира познати Тебе единаго от Троица Христа Бога и Твоимъ крещениемъ просвѣтивъ избранныя Твоя и Своя от Тебе порученныя ему люди, и приведе к Тебѣ вѣрою вопиющая, избави Свое достояние от супротивныхъ поганъ христоролюбиваго царя и все православию» (Минея служебная: Июль. Л. 224 об.–225).

всего, в Священном Писании³³. Но все вместе в рамках рассматриваемого тропаря они создают удивительно лиричный и красочный образ: так и представляется растительный орнамент заставки из какой-нибудь рукописи. И свежесть этого образа поддерживается метафорой «кисть двѣ созрѣлѣй», обозначающей отростки или побеги на ветви и подразумевающей убиенных сыновей Владимира Святославича, – метафоры, которая, похоже, отсутствует и в церковнославянской Библии, и в корпусе церковнославянских гимнографических текстов.

Важна, однако, не эстетика данного тропаря, а именно присущий ему подспудный смысл, ибо таковой согласуется с прикровенной сопоставительной семантикой рассмотренных выше 3-й стихиры вечерни, богородична из 3-й песни канона, кондака и икоса, в которых тоже, как выяснилось, личность Пресвятой Богородицы замещена личностью святого Владимира. Важен вместе с тем и являемый тропарем тройственный образ святых (Владимир, Роман и Давид), соответствующий, думается, своей зримой конкретикой в плане ее локальной соотносительности некоторым прямым указаниям, имеющимся в тексте службы.

Вот эти указания:

«Честнейшу вѣрховнихъ чиновъ. Тебе вси знаемъ. и славимъ Владычице. славящую земных. средо граду и стѣну необориму. съвокупиль есть» (богородичен 1-й песни).

«Обрѣтохомъ Пречистая. Тобою земнии Девице всепрепетая. его же желают ангели на небесѣхъ видити. И Сый видимъ въ ядрехъ Твоихъ и младенець Богъ нашъ» (богородичен 6-й песни).

«Людие мудрии русьстии. придете вси снидетеса. къ честнѣй церкви Володимира святого. нареченаго Василия преблагенаго. и великаго князя. угодника Христова преславнаго. примите благодать и спасение. и животъ и велью милость» (третий тропарь 9-й песни).

В дополнение можно привести еще и светилен³⁴, завершающий последование, правда, нево всех списках: «Тихое пристанище [обитель Твоя, Богоневесто, явися всемъ притекающимъ, имуще в себе пречистую Твою икону, всемъ неоскудно благодать подающи]»³⁵.

Что же общего у цитированных стихов? Как легко заметить, все они содержат приметы предметного и топографического характера. Конечно, эти приметы содержательно слишком абстрактны. Тем не менее разве не допустимо интерпретировать их как буквальное отображение обстановки, в которой осуществлялась поэтическая работа над службой (при условии, повторюсь, одновременного соединения в одном последовании одновременно же созданных, за исключением ирмосов, славословий)? Полагаю, такое право у исследователя есть, при том что и попытки подобного толкования уже предпринимались. В частности, фрагмент «придете вси снидетеса. къ честнѣй церкви Володимира святого. нареченаго Василия» рассматривался как прямое указание на Киевский храм св. Василия Великого [Серегина, с. 69]. Но кажется, это натяжка. На мой взгляд, правильнее понимать трактуемую фразу как призыв к верующим собраться не в церкви, основанной Владимиром, то есть Васильевской, а в церкви, освященной во имя Владимира, именуемого Василием. Однако при таком понимании взыскующий исследовательский взор по неотвратимой логике должен быть направлен не в сторону Киева³⁶, а к Новгороду Великому, ибо именно здесь над вратами Детинца в 1311 г. был освящен первый

³³ «И сладко свѣтъ, и благо очима зрѣти солнце» (Еккл 11: 7); «Праведникъ яко финикъ процвѣтаеъ» (Пс 91: 13); «Человѣкъ, яко трава дние его, яко цвѣтъ селный, тако оцвѣтетъ» (Пс 102: 15); «И рече Ездра: изыдите на гору, и принесите вѣтви масличны, и вѣтви древесъ кипарисныхъ» (Неем 8: 15).

³⁴ Светилен – особенно торжественное песнопение утрени в завершение канона на тему божественного света, просвещающего человечество [Богословско-литургический словарь, с. 759; Керн, с. 55–57].

³⁵ Содержание этой строфы, однако, больше похоже на содержание тропаря богородичного.

³⁶ О Киевском, причем еще домонгольском, происхождении службы Владимиру см., например: [Василик, 2017].

на Руси Владимирский храм³⁷. Ввиду данного факта и привлекает внимание содержание четырех приведенных выше стихословий.

Правда, текст богородична из 1-й песни выглядит так, будто в нем чего-то недостает, будто он испорчен (вероятная причина, по которой составители 2-й редакции службы заменили его другим стихом³⁸). Поэтому, естественно, напрашивается, например, такой вариант его исправления: «...земных. яко Тя средо граду и стѣну небориму. съвокупилъ естъ *Господь*». Если же предложенные конъектуры верны, то выходит, что данным тропарем Богоматерь прославляется как оплот и вместе с тем неодолимая, по воле Божией, защита какого-то города. Действительно, церковнославянское слово «среда» обладает и буквальным значением – *середина*, и переносным – *тело*³⁹. Между прочим, в богослужении встречаются схожие, но с иным смыслом, выражения: «...Богъ, во чрево Неискусобращныя вниде и въ подобии плотстемъ явися, *вражды средоградие разорь...*»⁴⁰, «...Разрушися клятвы нашея *средоградие*, Чистая Владычице, паче ума Рождествомъ Твоимъ...»⁴¹. Здесь слово «средоградие» означает отделенность человечества от Бога, то именно, что было уничтожено рождением Девы, ибо Она, приняв возвещенное Божественным Духом, родила Богочеловека и тем самым вновь соединила человечество с Творцом. Собственно, в рамках данного исследования имеет значение то, что слова «средо граду» и «средоградие» сопряжены с мариологическим контекстом. Такой же обусловленностью можно объяснить и расхожее богослужбное употребление слова «стена» как метафорического именованья самой Пресвятой Богородицы, например, в славящих Ее тропарях: «Тебе и стѣну, и пристанище имамы, и молитвенницу богоприятну къ Богу, Егоже родила еси Богородице безневѣстная, вѣрныхъ спасение», «Тя вси стяжахомъ прибѣжище и стѣну присно христиане, ты славословимъ немолчно безневѣстная»⁴². При этом, думая о наличии логической связи первого богородичного тропаря из канона Владимиру с неким конкретным фоном локального свойства, необходимо заметить, что образ стены, стены неборимой, употреблялся в русской литургической практике еще и применительно к весьма чтимой новгородской святыне – чудотворной иконе Божией Матери «Знамение»: «Яко неборимую стену и источникъ чудесь стяжавше Тя раби Твои, Богородице пречистая, сопротивныхъ ополчения низлагаемъ»⁴³. А это, в свою очередь, ведет к предположению, что неизвестный гимнограф, составляя рассматриваемый тропарь, мысленно рисовал себе образ, близкий к иконографическому типу «Знамение». И такая догадка прямо подтверждается богородичным тропарем 6-й песни канона Владимиру Святославичу, восхваляющим Богоматерь как давшую людям возможность видеть Того, кто пребывает в Ее лоне, «въ ядрехъ», – Богомладенца, недоступного даже взорам ангелов («желают... видити») ⁴⁴.

Действительно, на иконе «Знамение» Пресвятая Богородица изображена с молитвенно воздетыми руками и со Христом Эммануилом в медальоне на Ее груди [Кондаков, с. 116–117;

³⁷ См.: «Того же лѣта (6819. – В. К.) боголюбивый архиепископъ новгородчкый Давыдъ постави церковь камени на воротех от Неревскаго конца во имя святого благовѣрнаго князя Владимира, крестившаго Рускую землю, а въ крещении Василий» (Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 334). О новгородском вкладе в развитие почитания крестителя Руси см.: [Романенко, с. 202].

³⁸ «Украшена добротю добродѣтелей Богомати чистая. Бога истиннаго зачала еси, насъ божественными добродѣтелями просвѣтившаго» (Минея служебная: Июль. Л. 220 об.).

³⁹ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1847. Т. 4. С. 212.

⁴⁰ Богородичен 1-й песни канона папе Сильвестру (Минея: Январь. М., 2002. Ч. 1. С. 39).

⁴¹ Богородичен 3-й песни канона преподобному Парфению (Минея: Февраль. М., 2002. С. 225).

⁴² Триодъ постная. Л. 16 об., 132.

⁴³ 27 ноября: Служба иконе «Знамение» (Минея: Ноябрь. М., 2002. Ч. 2. С. 402, 406).

⁴⁴ Конечно, в данном случае следовало бы вспомнить и о мозаике в конхе абсиды главного алтаря Софийского собора в Киеве – Богородица Нерушимая Стена. Но такое напоминание неуместно, ибо в данной композиции Богоматерь Оранта представлена именно одна, без образа Спаса Эммануила [Лазарев, с. 260].

Государственная Третьяковская галерея, с. 60–63]. Литературно эта древнейшая новгородская святыня была прославлена в составленном около середины XIV в. «Слове о Знамении», или самом раннем варианте «Сказания о битве новгородцев с суздальцами»⁴⁵. В Новгороде она первоначально, с XII в., хранилась в Преображенской церкви на Ильине улице; затем местом ее нахождения был Знаменский храм (с середины XIV в.), Софийский собор (с конца XV в.) и вновь Знаменская церковь (с второй половины XVI в.). Подобный, но чуть более поздний образ имелся и в новгородском Покровском Зверином монастыре. Эту живописную иллюстрацию догмата о Боговоплощении, реализацию идеи Церкви Христовой, Храма Слова, Премудрости Божией, новгородцы считали палладиумом своего города, символом его независимости по молитвам Богородицы [Гордиенко]. Нетрудно допустить, что и во многих других приходских и монастырских храмах Новгорода находились списки изображения Знамения. На это, видимо, и указывает завершающий службу Владимиру светилен, представляющий собой молитвенное обращение к Богоневесте, чья икона находилась в какой-то обители: церкви, или монастыре, или даже епархии⁴⁶. И кстати, любопытна характеристика этого места – «тихое пристанище», ибо гимнограф уже употребил в начале службы подобное словосочетание – «пристанище тихое», но применительно к воспеваемому им Владимиру Святославичу (3-я стихира вечерни). Симптоматичное совпадение. Думается, позволяющее развить интерпретацию первого тропаря 9-й песни канона («Сладокъ яко финикъ...») суждением о том, что содержательно он есть не только обращение к святому, но и обращение к его конкретному изображению, тому самому, которое непременно должно было находиться в качестве храмовой иконы в алтарной преграде церкви, освященной в память о нем.

В самом деле, хотя и известны древние изображения Владимира, например, на монетах и на книжных миниатюрах, но собственно иконография князя начинает развиваться именно в Новгороде [Преображенский]; и именно во Владимирской церкви некогда имелся его образ. К сожалению, нет возможности определенно судить о том, что он собой представлял содержательно. Можно только предположить, что сохранившиеся не ранее чем от XV столетия моленные изображения крестителя Руси как-то коррелировали с ним иконографически. В этой связи, прежде всего, привлекает внимание икона из Никольской часовни, устроенной в Новгородском кремле на месте разобранного Владимирского храма. Эта икона тоже не сохранилась. Но, к счастью, имеется ее фотография начала XX в. Святой Владимир изображен здесь в пояс с крестом в правой руке и свитком в левой; на фоне же, вровень с его ликом, справа и слева, расположены медальоны тоже с поясными изображениями его благоверных сыновей Бориса и Глеба, а пониже, рядом с его левым плечом, находятся ростовые изображения мученицы Иулитты и младенца Кирика в ее ногах⁴⁷. По предположению искусствоведов, описанная композиция повторяет иконографию первого храмового образа Владимирской церкви [Абраменко, с. 246]. Однако более распространен был другой иконографический тип, согласно которому Владимир и его сыновья Борис и Глеб справа и слева от него изображались в рост. Одной из самых ранних подобных икон была икона конца XV в. из новгородского Софийского собора, ныне находящаяся в музее П. Д. Корина⁴⁸; сохранились и более поздние образы новгородского, вологодского, костромского, ростовского, московского письма⁴⁹ – очевидно, в силу известного новгородского культурного влияния, в частности, на древнерусских иконографов

⁴⁵ «Слово о знамении святыи Богородица в лето 6677-е» (БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 444–449; [Дмитриев]).

⁴⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 57–58.

⁴⁷ См. репродукцию: [Гусев]; Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 708. Описание этой иконы см.: [Макарий (Миролюбов), с. 104; Соловьев, с. 217; Гусев].

⁴⁸ См. репродукцию: Православная энциклопедия. Т. 8. С. 702.

⁴⁹ «Державы русския просветители». Равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга: исторический выбор России. М., 2019. С. 58, 100, 173, 185, 186, 197, 212, 251, 259, 260, 261.

из других регионов. При этом стоит настоятельно подчеркнуть: и та и другая иконографии, по-видимому, возникли в Новгороде, были хорошо известны новгородцам, и, главное, в обоих случаях, особенно во втором, зрению молящихся открывалась тройная композиция. Последнее обстоятельство имеет особое значение. Ибо тройственный образ святости неизбежно должен был предопределять форму и содержание словесного обращения к нему – как раз такого, как в первом тропаре 9-й песни канона Владимиру: «...ты (Владимир. – В. К.) бываеши винное възращение кистѣ двѣ созрѣлѣй... Романа и Давида...». Кстати, целеполагательное согласие тропаря и иконы точно соответствует отмеченной выше первоначальной практике славления святого крестителя Руси в день воспоминания о страсотерпческом подвиге его сыновей – 24 июля по старому стилю. Деталь, которую вполне можно квалифицировать как исторический факт.

Итак, кажется, удалось несколько приоткрыть завесу, скрывающую тайну происхождения первой службы Владимиру Святославичу в ее кратком варианте. Автор или составитель этого последования, руководствуясь октоичными, минейными и триодными песенными образцами, был склонен к творческой самостоятельности, что проявилось, во-первых, в его независимости от уже существовавших отдельных гимнических текстов во славу Владимира; во-вторых, в относительно системном характере композиционной организации канона и согласованности содержания его тропарей с содержанием стихир, что указывает на единовременность составления тех и других; в-третьих, идеологически – в стремлении прикровенно (через конвертацию известных мариологических стихословий) показать, что значение святого князя для Русской земли подобно значению Пресвятой Богородицы для Церкви Христовой. Наконец, свои песнопения в память о Владимире он, вероятно, создал не где-либо, а именно в Новгороде Великом, на что указывает визуальная изобразительность некоторых из них. Допустимо также думать, что его песнотворческая работа была сопряжена с его причастностью к обиходной жизни Владимирского храма в новгородском Кремле. Однако при отсутствии точных исторических сведений геолокационные предположения оправданы и в отношении других новгородских церквей.

Литература

- Абраменко Н. М. Равноапостольный князь Владимир в искусстве Древней Руси // «Державы Русския просветители». Равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга: исторический выбор России. М., 2019. С. 242–307.
- Богословско-литургический словарь // Настольная книга священнослужителя. М., 1983. Т. 4. С. 645–792.
- Василик В. В. Служба св. равноапостольному князю Владимиру и Кирилло-Мефодиевская традиция // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 2. С. 67–77.
- Василик В. В. Образ святого равноапостольного князя Владимира как нового Константина в древнерусской гимнографии // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М.; Вологда, 2017. С. 371–378.
- Василик В. В. Гимнография, посвященная святому равноапостольному Владимиру // «Державы Русския просветители». Равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга: исторический выбор России. М., 2019. С. 120–155.
- Гордиенко Э. А. Богоматерь Знамение // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 203–205.
- Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. М., 1995. Т. 1. 272 с.
- Гусев П. Древнейшая новгородская икона св. князя Владимира Киевского // Известия Комитета изучения древнерусской живописи. Пг., 1921. С. 9–12 (табл. VI).
- Джиджора Е. В. Архітектоніка образу Хрестителя Русі в Службі князю Володиміру // Науковий збірник Діалог: медіа студії. Одеса, 2015. № 21. С. 69–83.
- Дмитриев Л. А. Сказание о битве новгородцев с суздальцами // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 347–351.

- Керн К., архим. Литургия: Гимнография и эортология. М., 1999. 152 с.
- Кириллин В. М. Оценки Владимира Святославича посредством исторических аналогий в ранних русских гомилиях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 90–97.
- Кириллин В. М. Развитие представлений о личности великого князя киевского Владимира Святославича по свидетельству панегирических и агиографических текстов XI–XV вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2020. Сб. 19. С. 285–370.
- Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2. 451, [1] с.
- Лазарев В. Н. Искусство Древней Руси. Мозаики и фрески. М., 2000. 304 с.
- Макарий (Булгаков), еп. Винницкий. История Русской церкви. СПб., 1857. Т. 1. 292, IV с.; Т. 2. 368, IV с.
- Макарий (Мирослюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. 358, LXII с.
- Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. 574 с.
- Милютенко Н. И. Гимнографическая апология Владимира-язычника как будущего крестителя Руси // «Державы Русския просветители». Равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга: исторический выбор России. М., 2019. С. 102–119.
- Никольский К., свящ. Обзорение богослужебных книг Православной Российской церкви по отношению их к церковному уставу. СПб., 1858. [2], II, 435 с.
- Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. [6], VIII, 596 с.
- Преображенский А. С. Иконография В[ладимира] С[вятославича] в XIV–XVII вв. // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 707–712.
- Романенко Е. В. Церковное почитание святого князя Владимира // «Державы Русския просветители». Равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга: исторический выбор России. М., 2019. С. 192–227.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1. 768 с.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. 405 с.
- Серегина Н. С. Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. 468, [1] с.
- Скабалланович М. Н. Толковый типикон. Объяснительное изложение Типикона. С историческим введением. М., 2004. 814, [1] с.
- Славнитский М. Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник. 1888. Май – август. С. 197–237.
- Соловьев П. И., прот. Новгородский Софийский собор // Записки Императорского Археологического общества. СПб., 1865. Т. 11. С. 1–243.
- Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М., 2008. 544 с.
- Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е. СПб., 1884. Кн. 1. 273 с.
- Шахматов А. А. Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / [Подгот. текста, предисл., вступ. статья Н. И. Милютенко; отв. ред. Д. М. Буланин]. СПб., 2014. 380, [3] с.
- Яблонский В. [М.] Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908. XVI, 314, CXIV с.

References

- Abramenko, N. M. Ravnopostol'nyi knyaz' Vladimir v iskusstve Drevnei Rusi [Equal-to-the-apostles Prince Vladimir in the Art of Old Rus']. In *“Derzhavy Russkiya prosvetiteli”. Ravnopostol'nye knyaz' Vladimir i knyaginya Ol'ga: istoricheskii vybor Rossii*. Moscow, 2019. Pp. 242–307.
- Bogoslovsko-liturgicheskii slovar' [Theological and Liturgical Dictionary]. In *Nastol'naya kniga svyashchennosluzhitelya*. Moscow, 1983. Vol. 4. Pp. 645–792.
- Dmitriev, L. A. Skazanie o bitve novgorodtsev s suzdal'tsami [Tale of the Battle of Novgorod with Suzdal]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1989. Issue 2. Part 2. Pp. 347–351.
- Dzhidzhora, E. V. Arkhitektonika obrazu Khrestitelya Rusi v Sluzhbi knyazyu Volodimiru [Architectonics of the Image of the Baptist of Russia in the Service to Prince Vladimir]. In *Naukovii zbirnik Dialog: media studii*. Odessa, 2015. No. 21. Pp. 69–83.
- Filaret (Gumilevskii), archbishop. Obzor russkoi dukhovnoi literatury [Review of Russian Religious Literature]. 3rd ed. Saint Petersburg, 1884. Book 1. 273 pp.

- Gordienko, E. A. Bogomater' Znamenie [Our Lady of the Sign]. In *Velikii Novgorod. Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov: Entsiklopedicheskii slovar'*. Saint Petersburg, 2007. Pp. 203–205.
- Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya: Katalog sobraniya [State Tretyakov Gallery: Catalogue of the Collection]. Moscow, 1995. Vol. 1. 272 pp.
- Gusev, P. Drevneishaya novgorodskaya ikona sv. knyazya Vladimira Kievskogo [The Oldest Novgorod Icon of St. Prince Vladimir of Kiev]. In *Izvestiya Komiteta izucheniya drevnerusskoi zhivopisi*. Petrograd, 1921. Pp. 9–12 (table VI).
- Kern, K., archimandrite. Liturgika: Gimnografiya i eortologiya [Liturgics: Hymnography and Eortology]. Moscow, 1999. 152 pp.
- Kirillin, V. M. Otsenki Vladimira Svyatoslavicha posredstvom istoricheskikh analogii v rannikh russkikh gomiliyakh [The Appraisal of Vladimir Svyatoslavich by the Use of Historical Analogy in the Early Russian Homilies]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2016. No. 2 (64). Pp. 90–97.
- Kirillin, V. M. Razvitie predstavlenii o lichnosti velikogo knyazya kievskogo Vladimira Svyatoslavicha po svidetel'stvu panegiricheskikh i agiograficheskikh tekstov XI–XV vv. [Development of Ideas about the Personality of the Grand Prince of Kiev Vladimir Svyatoslavich on the Evidence of Panegyric and Hagiographic Texts of the 11th – 15th Centuries]. In *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Moscow, 2020. Issue 19. Pp. 285–370.
- Kondakov, N. P. Ikonografiya Bogomateri [Iconography of the Mother of God]. Petrograd, 1915. Vol. 2. 451, [1] pp.
- Lazarev, V. N. Iskusstvo Drevnei Rusi. Mozaiki i freski [Art of Old Rus'. Mosaics and Frescoes]. Moscow, 2000. 304 pp.
- Makarii (Bulgakov), bishop Vinnitskii. Istoriya Russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Saint Petersburg, 1857. Vol. 1. 292, IV pp.; Vol. 2. 368, IV pp.
- Makarii (Mirolyubov), archimandrite. Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostei v Novgorode i ego okrestnostyakh [The Archaeological Description of the Church Antiquities in Novgorod and Its Surroundings]. Moscow, 1860. Part 2. 358, LXII pp.
- Milyutenko, N. I. Svyatoi ravnoapostol'nyi knyaz' Vladimir i kreshchenie Rusi: Drevneishie pis'mennye istochniki [Saint Vladimir, Equal-to-the-apostles, and the Baptism of Russia: the Oldest Written Sources]. Saint Petersburg, 2008. 574 pp.
- Milyutenko, N. I. Gimnograficheskaya apologiya Vladimira-yazychnika kak budushchego krestitelya Rusi [Hymnographic Apology of Vladimir the Pagan as the Future Baptist of Russia]. In *"Derzhavy Russkiya prosvetiteli". Ravnoapostol'nye knyaz' Vladimir i knyaginya Ol'ga: istoricheskii vybor Rossii*. Moscow, 2019. Pp. 102–119.
- Nikol'skii, K., priest. Obozrenie bogoslužebnykh knig Pravoslavnoi Rossiiskoi tserkvi po otnosheniyu ikh k tserkovnomu ustavu [Review of Liturgical Books of the Orthodox Russian Church in Their Relation to the Church Charter]. Saint Petersburg, 1858. [2], II, 435 pp.
- Nikol'skii, N. K. Materialy dlya povremennogo spiska russkikh pisatelei i ikh sochinenii (X–XI vv.) [Materials for a Chronological List of Russian Writers and Their Works (10th–11th Centuries)]. Saint Petersburg, 1906. [6], VIII, 596 pp.
- Preobrazhenskii, A. S. Ikonografiya V[ladimira] S[vyatoslavicha] v XIV–XVII vv. [Iconography of V[ladimir] S[vyatoslavich] in the 14th – 17th Centuries]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2004. Vol. 8. Pp. 707–712.
- Romanenko, E. V. Tserkovnoe pochitanie svyatogo knyazya Vladimira [The Church Veneration of the Holy Prince Vladimir]. In *"Derzhavy Russkiya prosvetiteli". Ravnoapostol'nye knyaz' Vladimir i knyaginya Ol'ga: istoricheskii vybor Rossii*. Moscow, 2019. Pp. 192–227.
- Seregina, N. S. Pesnopeniya russkim svyatym: Po materialam rukopisnoi pevcheskoi knigi XI–XIX vv. "Stikhirar' mesyachnyi" [The Chants to Russian Saints: Based on the Materials of a Handwritten Singing Book of the 11th – 19th Centuries "The Stikhirar' on Months"]. Saint Petersburg, 1994. 468, [1] pp.
- Shakhmatov, A. A. Zhitiya knyazya Vladimira. Tekstologicheskoe issledovanie drevnerusskikh istochnikov XI–XVI vv. / [Podgot. teksta, predisl., vstup. stat'ya N. I. Milyutenko; otv. red. D. M. Bulanin] [The Lives of Prince Vladimir. Textual Research of Ancient Russian Sources of the 11th – 16th Centuries / [Preparation of the text, preface, introductory article by N. I. Milutenko; ed. D. M. Bulanin]]. Saint Petersburg, 2014. 380, [3] pp.
- Skaballanovich, M. N. Tolkovyi tipikon. Ob'yasnitel'noe izlozhenie Tipikona. S istoricheskim vvedeniem [Interpreted Typicon. Explanatory Statement of the Typicon. With a Historical Introduction]. Moscow, 2004. 814, [1] pp.

Slavnitskii, M. Kanonizatsiya sv. knyazya Vladimira i sluzhby emu po spiskam XIII–XVII vv. s prilozheniem dvukh neizdannykh sluzhb po rukopisyam XIII i XVI vv. [Canonization of St. Prince Vladimir and Services to Him according to the Copies of the 13th – 17th Centuries, with the Appendix of Two Unpublished Services in the Manuscripts of the 13th and 16th Centuries]. In *Strannik*. 1888. Mai – avgust. Pp. 197–237.

Solov'ev, P. I., protopope. Novgorodskii Sofiiskii sobor [St. Sophia Cathedral in Novgorod]. In *Zapiski Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva*. Saint Petersburg, 1865. Vol. 11. Pp. 1–243.

Spasskii, F. G. Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo [Russian Liturgical Work]. Moscow, 2008. 544 pp.

Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV vek [A Consolidated Catalog of Slavonic-Russian Handwritten Books Stored in Russia, the CIS and the Baltic States. 14th Century]. Moscow, 2002. Issue 1. 768 pp.

Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR. XI–XIII vv. [The Consolidated Catalogue of Slavic-Russian Manuscripts Stored in the USSR. 11th – 13th Centuries]. Moscow, 1984. 405 pp.

Vasilik, V. V. Sluzhba sv. Ravnoapostol'nomu knyazyu Vladimiru i Kirillo-Mefodievskaia traditsiya [Service to the Holy Prince Vladimir and Cyril and Methodius Tradition]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. No. 2. Pp. 67–77.

Vasilik, V. V. Obraz svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira kak novogo Konstantina v drevnerusskoi gimnografii [The Image of the Holy Equal-to-the-apostles Prince Vladimir as the New Constantine in Ancient Russian Hymnography]. In *Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazei Borisa i Gleba, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 g.* Moscow; Vologda, 2017. Pp. 371–378.

Vasilik, V. V. Gimnografiya, posvyashchennaya svyatomu ravnoapostol'nomu Vladimiru [Hymnography Devoted to Saint Equal-to-the-apostles Vladimir]. In *“Derzhavy Russkiya prosvetiteli”*. *Ravnoapostol'nye knyaz' Vladimir i knyaginya Ol'ga: istoricheskii vybor Rossii*. Moscow, 2019. Pp. 120–155.

Yablonskii, V. [M.] Pakhomii Serb i ego agiograficheskie pisaniya: Biograficheskii i bibliograficheskii literaturnyi ocherk [Pachomius the Serb and His Hagiographic Writings: A Biographical and Bibliographic-literary Essay]. Saint Petersburg, 1908. XVI, 314, CXIV pp.

Vladimir M. Kirillin

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church, Sergiev Posad, Russia

ABOUT THE ORIGIN OF THE TEXT OF THE 1st EDITION OF THE FIRST SERVICE TO VLADIMIR THE GREAT

The article discusses the features of the structural and ideological-semantic organization of the text of the initial liturgical act of worship in honor of St. Vladimir the Great; the article raises the questions of dependence of the unknown hymnographer on the liturgical tradition and his creative independence and determines the hidden task of glorifying the Prince. Based on the analysis of substantive and topographic features contained in various hymnic stanzas, the hypothesis about the place of compilation of the service is justified.

Keywords: *gymnography, service, canon, edition, prototype, sample, Octoechos, Mother of God, author's motivation, Novgorod, the icon of Our Lady of the Sign*

